

М. Ф. РУМЯНЦЕВА

ФЕНОМЕНОЛОГИЯ VS НЕОКАНТИАНСТВО В КОНЦЕПЦИИ А.С. ЛАППО-ДАНИЛЕВСКОГО

В статье рассматривается оригинальная теоретико-познавательная концепция А.С. Лаппо-Данилевского (1863-1919) в контексте неокантианства и феноменологии. Раскрывается специфика русской версии неокантианства – специальное внимание к объекту исторического познания, историческому источнику на основе принципа «признания чужой одушевленности». Показан феноменологический характер понимания историком природы исторического источника.

Ключевые слова: *А.С. Лаппо-Данилевский, русская версия неокантианства, феноменология, методология истории, исторический источник.*

Русского историка-методолога А.С. Лаппо-Данилевского (1863–1919) принято характеризовать как неокантианца¹. Эту характеристику невозможно принять без некоторых оговорок. Во-первых, концепция Лаппо-Данилевского, как и любая оригинальная эпистемологическая концепция, плохо вписывается в «прокрустово ложе» имеющихся историко-философских классификаций и систематизаций. Во-вторых, если уж и соотносить рассуждения Лаппо-Данилевского с неокантианством, то необходимо исследовать специфику его русской версии. В-третьих, считаю возможным выявить в построениях Лаппо-Данилевского не только неокантианскую, но и феноменологическую составляющую. Смысл усилий в этом направлении заключается не в непреодолимом желании «правильно» классифицировать теоретико-познавательную концепцию А.С. Лаппо-Данилевского, а в определении ее специфики и оригинальности в контексте методологических поисков рубежа XIX–XX вв.

Для решения этой задачи необходимо, в первую очередь, рассмотреть эпистемологическую концепцию Лаппо-Данилевского в соотнесении с неокантианской парадигмой исторического познания. Говоря о сути неокантианства применительно к историческому познанию, мы, естественно, в первую очередь обращаемся к Баденской школе (В. Виндельбанд, Г. Риккерт), наиболее подробно разработавшей проблему специфики исторического познания. Выделим лишь один аспект. Критикуя Вундта, Мюнстерберга, Дильтея и других авторов, противопоставлявших науки о духе наукам о природе, Риккерт вскрывает основ-

¹ Обзор такого рода взглядов на эпистемологическую позицию А.С. Лаппо-Данилевского см., например: *Транш.* 2006. С. 65-67 и след.

ную методологическую проблему – неопределимость объекта наук о духе: «что же касается понятия духа, то дать логическое определение его либо совершенно невозможно, либо, во всяком случае, возможно лишь тогда, когда предварительно уже имеется логическое понятие истории»². Риккерт решительно отказывается размышлять об объекте исторического познания и сосредотачивает свое внимание на логике исторической науки, определяя ее как идиографическую в отличие от номотетической логики естественнонаучного знания.

Напротив, в концепции Лаппо-Данилевского базовое значение имеет *теория объекта исторического познания – исторического источника*. Специальной разработке методологии источниковедения посвящена значительная часть его «Методологии истории»³. Следует подчеркнуть, что часто встречающееся утверждение, что концепция Лаппо-Данилевского – это концепция источниковедения, в корне не верно. Им была разработана не концепция источниковедения, а источниковедческая концепция методологии истории, что принципиально важно.

Таким образом, теоретико-познавательная концепция А.С. Лаппо-Данилевского по своим основаниям отличается от построений баденцев и соответствует философским исканиям русского неокантианства, основоположником которого был А.И. Введенский (1856–1925). Специфика русской версии неокантианства⁴ как раз и заключалась в пристальном внимании к «внешним, материальным, то есть, объективным [курсив мой – М.Р.] обнаружениям»⁵ «чужой душевной жизни». Построения Введенского соотносимы с концепцией Дильтея, предлагавшего при решении задач описательной психологии обращаться к «предметным продуктам психической жизни»⁶. Такого рода объекты, по мнению русских неокантианцев, изучаются с точки зрения принципа «признания чужой одушевленности»⁷, который и является системообразующим как для методологии истории Лаппо-Данилевского, так и для исследования основ гуманитарного знания учеником Введенского И.И. Лапшиным (1870–1952)⁸; этот принцип важен и для В.М. Хвостова (1868–1920) при построении философии и методологии истории⁹.

² Риккерт. 1998. С. 138-139.

³ Лаппо-Данилевский. 2010. Т. 2. С. 19-394.

⁴ Подробнее см.: Румянцева. 2012.

⁵ Введенский. 1892. С. 7.

⁶ Дильтей. 1996. С. 99.

⁷ Подробнее см.: Румянцева. 2007.

⁸ Лапшин. 1914; Лапшин. 1999. С. 124 и след.

⁹ Хвостов. 2006. С. 62-67.

Идея Введенского о «материальных явлениях», которые «служат признаком, обнаруживающим присутствие душевной жизни», переработана Лаппо-Данилевским в систематическое учение об исторических источниках как эмпирической основе исторического познания. Именно фиксация Лаппо-Данилевским исторического источника в качестве эмпирической основы исторического познания и позволила О.М. Медушевской рассматривать его концепцию как основание парадигмы истории как строгой науки в отличие от нарративной логики исторического познания, восходящей к баденскому неокантианству¹⁰. Эта составляющая концепции Лаппо-Данилевского обладает существенным эпистемологическим потенциалом, и именно она получила развитие в Научно-педагогической школе источниковедения, которая сосредоточила свои исследования на системе видов исторических источников как проекции соответствующей культуры¹¹, а в начале XXI в. усилиями Медушевской пришла к универсальному понятию «эмпирической реальности исторического мира»¹².

Но что все же сближает позицию Лаппо-Данилевского с позицией баденских неокантианцев? На мой взгляд, кроме общих аксиологических оснований, стоит выделить схожие, хотя и не идентичные, подходы к понятию исторического факта и к построению исторического целого. Как и баденцы, Лаппо-Данилевский понимал исторический факт идиографически. Но при этом он подчеркивал, что историк изучает не разрозненные / единичные факты, но «...приступая к изучению действительности с идиографической точки зрения, историк, в сущности, представляет себе ее как бы в виде единого целого, которое вмещает в себя все ее части, связанные между собою, в котором каждая из них находит свое положение <...> С такой точки зрения только мировое целое, единое и единичное представляется в полной мере действительностью, каждая из частей которой лишь искусственно может быть извлекаема из реального его единства для научного рассмотрения»¹³. Подробно проблемы исторического построения с идиографических позиций рассмотрены Лаппо-Данилевским в последней части «Методологии истории», впервые после литографированного издания 1909 г. воспроизведенной в издании фундаментального труда русского методолога в 2010 г.¹⁴

Г. Риккерт демонстрирует менее глобальный, но аналогичный подход. Размышляя об отличии научного знания от донанучного образо-

¹⁰ Медушевская. 2008 (а). С. 15-16 и след.

¹¹ См.: Источниковедение: История. Теория. Метод... 1998.

¹² Медушевская. 2008 (а); 2008 (б).

¹³ Лаппо-Данилевский. 2010. Т. 1. С. 360-361.

¹⁴ Там же. Т. 2. С. 395-542: Ч. II. Отд. 2: Методология исторического построения.

вания понятий, которое и дает материал для исторического исследования, он писал: «Донаучное индивидуализирование часто вырывает свои объекты из окружающей их среды, отграничивая их друг от друга и тем самым *изолируя* их. Изолированное, однако, никогда не бывает предметом научного интереса, и нет ничего неправильнее, чем отождествлять индивидуализирующий метод с простым сопоставлением изолированных фактов...»¹⁵. Риккерт также отмечает, что «включение объекта в *окружающую его среду*, как это делает историк, есть процесс, совершенно чуждый методу генерализирующих наук», поскольку среда всегда индивидуальна, и отношение части к целому в идиографических науках / науках о культуре не тождественно отношению экземпляра к родовому понятию в номотетических / естественных науках¹⁶.

По Риккерту, «историческая связь всякого исторического объекта имеет так сказать, два измерения, которые можно было бы назвать измерениями широты и долготы, т.е., во-первых, история должна установить отношения, связывающие объект с *окружающей его средой*, и, во-вторых, проследить от начала до конца в их взаимной связи различные стадии, последовательно проходимые объектом, или, иначе говоря, изучить его *развитие*»¹⁷. Аналогичный подход демонстрирует Лаппо-Данилевский, но, размышляя о типизирующей интерпретации исторического источника, он акцентирует внимание на необходимости различать коэксистенциальную и эволюционную составляющие культуры: «Понятие о той культуре, к которой источник относится, получает, однако, различные значения, смотря по тому, представлять ли ее себе в виде некоей системы ее элементов или в виде некоей стадии ее эволюции, т.е. принимать ли во внимание “состояние культуры” или “период культуры” для истолкования источника: значит, можно различать и два вида типизирующей интерпретации источника: систематическую и эволюционную»¹⁸.

Итак, можно сказать, что А.С. Лаппо-Данилевский был неокантианцем, но в русской версии рецепции философии Канта. При этом, концепция Лаппо-Данилевского в значительной мере оригинальна, поскольку имеет существенную феноменологическую составляющую. О.М. Медушевская неоднократно характеризовала Лаппо-Данилевского как «основателя иной [т.е. отличной от неокантианской – М.Р.], феноменологической концепции методологии истории»¹⁹.

¹⁵ Риккерт. 1998. С. 147.

¹⁶ Там же. С. 148.

¹⁷ Там же. С. 147.

¹⁸ Лаппо-Данилевский. 2010. Т. 2. С. 112.

¹⁹ Медушевская. 1999; № 2 (120); Медушевская. 2010.

Попробуем подступиться к прояснению феноменологической составляющей концепции А.С. Лаппо-Данилевского. что не просто, поскольку феноменология Э. Гуссерля в применении к историческому познанию прояснена мало, а эмпириокритицизму, без которого невозможно ни восприятие феноменологии Гуссерля, ни понимание интеллектуального пространства рубежа XIX–XX вв., историки практически не уделяют внимания, благо эмпириокритики (за исключением, возможно, А.А. Богданова) проблемами исторического познания почти не занимались.

На мой взгляд, феноменологический подход наиболее отчетливо проявляется у А.С. Лаппо-Данилевского в *понимании природы исторического познания и конструировании понятия исторический источник*.

Прояснение объекта исторического познания Лаппо-Данилевский начинает со следующего размышления: «При выяснении понятия об объекте исторического познания я буду исходить из представления о действительности, содержание которого каждый из нас построит из эмпирических данных. В том случае, когда я высказываю ассерторическое экзистенциальное суждение о построенном мною из таких данных содержании моего представления, я и рассуждаю о действительности»²⁰. Автор подчеркивает, что речь должна идти не о самом представлении, а о «действительном существовании его содержания». Поставив проблему познания как «обоснования экзистенциального суждения о содержании моего представления, т.е. о том именно, что в нем содержится», далее Лаппо-Данилевский начинает ее рассматривать казалось бы в неокантианском ключе – через соотнесение номотетической и идиографической точек зрения. Но логика его рассуждений принципиально отлична от логики анализа образования понятий в естественных науках и науках о культуре, предложенного Риккертом²¹. А.С. Лаппо-Данилевский, отмечая ограниченность номотетического подхода в суждении о содержании исторического представления, решает эту проблему через различение *бытия* и *бывания* и связанное с этим различием понятие *изменения* и при этом подчеркивает, что историк может рассматривать изменение как с номотетической, так и с идиографической точек зрения. Но поскольку исторические факты уникальны, то они не повторяются во времени, следовательно, они могут быть включены в единственный последовательный процесс изменений – в эволюционное целое. При этом понятие *изменение* Лаппо-Данилевский формулирует феноменологически: «...в том случае, если я (на основании принципа тождества) отношу к одному и тому же объекту два различаемых мною

²⁰ Лаппо-Данилевский. 2010. Т. 1. С. 329.

²¹ Риккерт. 1997; Риккерт. 1998.

(на основании принципа противоречия) содержания моего сознания и признаю такие содержания объективно существующими и сменяющимися друг друга во времени, я, в сущности, и говорю об “изменении”»²².

Анализируя определение исторического источника, «добытое» (по его собственному выражению) Лаппо-Данилевским, обычно акцентируют внимание на двух моментах: объективированности (реализованности) исторического источника, в силу чего он и составляет эмпирическую основу исторического познания, и его культурном (т.е. порожденном творческой активностью человека) происхождении²³. Меньше внимания уделяется второй части определения – «пригодный для изучения фактов с историческим значением», а это важно при понимании механизмов включения информации исторического источника в историческое построение. И не уделяется внимания тому, что Лаппо-Данилевский говорит о феноменологической природе этого понятия.

Естественно, что учение об исторических источниках как «об объективно-данных источниках исторического знания»²⁴ самым непосредственным образом обусловлено пониманием сути познания как выяснения содержания представления, что, несомненно, требует обращения к внеположенной сознанию реальности. Размышляя о соотношении общей методологии истории и методологии источниковедения, Лаппо-Данилевский пишет: «Общая часть методологии истории обосновывает, главным образом, ту познавательную точку зрения, с которой историк должен изучать действительность вообще, но не предрешает вопроса о действительном существовании тех именно фактов, которые известны историку из данных источников; решение такой задачи и выпадает на долю методологии источниковедения»²⁵. Таким образом, Лаппо-Данилевский, понимая исторический факт и историческое целое идиографически, что в целом соответствует позиции неокантианства (при некоторых, бегло отмеченных выше различиях в подходах), идет дальше – по пути анализа природы исторического факта, его «добывания» из источников исторического познания. Но последовательное решение этой проблемы предполагает специальный анализ понятия *исторический источник*.

Лаппо-Данилевский начинает анализ с утверждения: «С теоретико-познавательной точки зрения под эмпирически данным "источником" можно разумеать всякое данное нашего чувственного восприятия»²⁶. Это

²² Лаппо-Данилевский. 2010. Т. 1. С. 330.

²³ См. например: Румянцева. 2011.

²⁴ Лаппо-Данилевский. 2010. Т. 2. С. 19.

²⁵ Там же. С. 19-20.

²⁶ Там же. С. 29.

утверждение, несомненно, отсылает нас к идеям эмпириокритицизма, выразившего существенные составляющие методологического кризиса рубежа XIX–XX вв. Далее с теоретико-познавательного уровня автор переходит на научно-эмпирический, ограничивает пространство дальнейшего анализа и предлагает в качестве исходной позиции «называть источником *всякий реальный объект* [здесь и далее курсив мой – М.Р.], который изучается не ради его самого, а для того, чтобы через ближайшее его посредство получить знание о другом объекте»²⁷. В результате проведенного анализа, занявшего в издании 2010 года десять страниц текста, Лаппо-Данилевский «добывает» следующее определение исторического источника: «...исторический источник есть *реализованный продукт* человеческой психики, пригодный для изучения фактов с историческим значением»²⁸. Следуя за автором, и мы сосредотачиваемся, во-первых, на реализованности/объективированности исторического источника и, во-вторых, на его «человеческом» происхождении, что заставляет нас изучать его с точки зрения «принципа признания чужой одушевленности».

И упускаем еще один важный исходный момент размышлений историка. Относя историю к области эмпирических наук, А.С. Лаппо-Данилевский формулирует требования к понятию исторического источника, которое не только «включает понятие о реальности данного объекта и понятие о его пригодности для познания другого объекта», и уточняет: «...такой объект *представляется* всякому историку-специалисту “данным” его сознанию: историк не только *признает его своим представлением*, но *приписывает* его содержанию реальное существование; в противном случае источник не мог бы служить объектом чувственного восприятия историка; последний, значит, не мог бы познавать действительность на основании источников...»²⁹. В дальнейшем изложении эта формула редуцируется до понятия источник-объект, что и приводит, на мой взгляд, к некоторому упрощению: к пониманию исторического источника как «фрагмента» реальности, а не как феноменологической конструкции. Но если все-таки посмотреть на понятие исторического источника в концепции А.С. Лаппо-Данилевского с феноменологической позиции, то можно обнаружить, что предлагаемый историком метод анализа и интерпретации исторического источника может быть рассмотрен как своего рода феноменологическая редукция, предполагающая эпохэ – своего рода «отказ» историка от установок собственного сознания путем анализа структуры собственной психики. Исследование начинается с

²⁷ Там же.

²⁸ Там же. С. 38.

²⁹ Там же. С. 30.

«научного анализа элементов своей собственной душевной жизни». Историк при этом исходит из того, что его психика и психика изучаемого им субъекта различаются лишь интенсивностью составляющих ее элементов. Однако историк не может быть полностью уверен в соответствии друг другу самих комбинаций этих элементов, поэтому исходя из анализа собственной психики, историк вынужден ограничиться констатацией сходства отдельных элементов, «общих обеим одушевленностям», а не их систем³⁰. С невозможностью полного «отказа» от собственного сознания автор связывает границы исторического познания: «...воспроизведение чужой одушевленности во всей ее полноте представить себе нельзя, хотя бы уже потому, что в таком акте всегда соучаствует то сознание, в котором чужая одушевленность воспроизводится: “я” не могу перестать быть “я” даже в момент сочувственного переживания чужого “я”. Такое переживание, ассоциирование и заключение по аналогии обыкновенно сводится к воспроизведению в себе не чужого “я”, а более или менее удачной комбинации некоторых элементов его психики...»³¹.

Но все же тщательно разработанные А.С. Лаппо-Данилевским процедуры интерпретации исторического источника при помощи психологического, технического, типизирующего и индивидуализирующего методов позволяют максимально редуцировать собственное сознание историка и воспроизвести «первоначальный» (авторский) его смысл: «<...> научно понимать исторический источник значит установить то объективно-данное психическое значение, которое истолкователь должен приписывать источнику, если он желает достигнуть поставленной себе научной цели его исторической интерпретации; но, в сущности, истолкователь может придавать объективно данное психическое значение своему источнику лишь в том случае, если он имеет основание утверждать, что он приписывает ему то самое значение, которое творец (автор) придавал своему произведению»³². Конечно, при анализе концепции А.С. Лаппо-Данилевского необходимо не забывать, что она разработана в начале XX в., т.е. сто лет тому назад. За истекший век бурного развития эпистемологии пересмотрены многие воззрения, в том числе уточнено и понимание смысла процедуры интерпретации, но здесь важно акцентировать научно ориентированный подход Лаппо-Данилевского, отличный от герменевтической линии Хайдеггера – Гадамера.

И в качестве вывода: почему все-таки *versus*, а не *u*? На мой взгляд, именно феноменологическая составляющая в концепции А.С. Лаппо-

³⁰ Там же. Т. 1. С. 349.

³¹ Там же. С. 345.

³² Там. Т. 2. С. 65.

Данилевского принципиально важна, и именно она определяет специфику концепции, выделяя Лаппо-Данилевского и из круга русских неокантианцев. Речь здесь идет не о синтезе неокантианства и феноменологии, но о переходе от объяснения специфики исторического знания, представленного в XIX в., главным образом, линейными метанарративами, к рефлексии его глубинных оснований и главное – к выявлению имманентных характеристик его объекта, что помещает методологическую концепцию Лаппо-Данилевского в общенаучный контекст, поскольку, как известно, эпистемологический кризис рубежа XIX–XX вв. в общенаучном плане во многом обусловлен «утратой объекта» в связи с развитием физики микромира. Экспликация именно общенаучного контекста при исследовании творчества А.С. Лаппо-Данилевского принципиально важна, поскольку если неокантианство сосредоточено на специфике наук о культуре как идиографических, то феноменология ищет единые основания науки, и поиск этот ведется в сфере гуманитарного знания³³.

Естественно, проведенный анализ носит сугубо предварительный характер. Необходимо дальнейшее исследование соотношения эмпириокритицизма как продолжения позитивизма в новых социокультурных условиях, неокантианства как рецепции теории познания Канта и феноменологии как оригинальной философской концепции в качестве оснований методологии исторического познания. Но принципиально важно выделить здесь именно эти три философские парадигмы, поскольку они, во-первых, представляют направление, нацеленное на строгое научное знание³⁴, и, во-вторых, решают, хотя и по-разному, общую проблему конструирующей деятельности познающего субъекта в процессе познания, столь актуальную в современных условиях поиска оснований для новой национальной / отечественной истории.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Введенский А.И.* О пределах и признаках одушевления: Новый психофизиологический закон в связи с вопросом о возможности метафизики. СПб., 1892. 119 с.
- Гуссерль Э.* Кризис европейского человечества и философия // *Гуссерль Э.* Философия как строгая наука. Новочеркасск: Агентство САГУНА, 1994. С. 101-126.
- Дильтей В.* Описательная психология. СПб.: Алетей, 1996. 155 с.
- Источниковедение: История. Теория. Метод. Источники российской истории: учеб. пособие / И.Н. Данилевский, В.В. Кабанов, О.М. Медушевская, М.Ф. Румянцева. М.: РГГУ, 1998. 702 с. Переизд.: 2000, 2004
- Лаппо-Данилевский А.С.* Методология истории: в 2 т. М.: РОССПЭН, 2010. Т. 1-2.

³³ См., например: *Гуссерль*. 1994. С. 103-105 и след.

³⁴ *Рорти*. 1997; *Микешина*. 2003.

- Лапишин И.И.* О перевоплощении в художественном творчестве // Вопросы теории и психологии творчества. Харьков, 1914. Т. V. С. 161-262.
- Лапишин И.И.* Философия изобретения и изобретение в философии: Введение в историю философии. М.: Республика, 1999. 399 с.
- Медушевская О.М.* Методология истории как строгой науки // Лаппо-Данилевский А.С. Методология истории: в 2 т. М.: РОССПЭН, 2010. Т. 1. С. 23-84.
- Медушевская О.М.* Теория и методология когнитивной истории. М.: РГГУ, 2008 (а). 358 с.
- Медушевская О.М.* Феноменология культуры: Концепция А.С. Лаппо-Данилевского в гуманитарном познании новейшего времени // Исторические записки. М., 1999. № 2 (120). С. 100-136.
- Медушевская О.М.* Эмпирическая реальность исторического мира // Вспомогательные исторические дисциплины — источниковедение — методология истории в системе гуманитарного знания: материалы XX междунар. науч. конф. Москва, 31 янв. – 2 февр. 2008 г.: в 2 ч. М.: РГГУ, 2008 (б). С. 24-34.
- Микешина Л.А.* Философия познания. Полемиические главы. М.: Прогресс-Традиция, 2003. 623 с.
- Риккерт Г.* Границы естественнонаучного образования понятий: Логическое введение в исторические науки. СПб.: Наука, 1997. 532 с.
- Риккерт Г.* Философия истории // *Риккерт Г.* Науки о природе и науки о культуре. М.: Республика, 1998. С. 129-204.
- Рорти Р.* Философия и зеркало природы. Новосибирск: Изд-во Новосибирского университета, 1997. 297 с.
- Румянцева М.Ф.* Концепт «признание чужой одушевленности» в русской версии неокантианства // *Cogito*: альманах истории идей. Ростов н/Д.: Логос, 2007. Вып. 2. С. 35-54.
- Румянцева М.Ф.* Русская версия неокантианства: к постановке проблемы // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. 2012. Т. 154. Кн. 1. С. 130-141.
- Румянцева М.Ф.* Современное источниковедение: поиск универсальных оснований научного знания // Проблемы исторического познания: сб. статей / отв. ред. К.В. Хвостова. М.: ИВИ РАН, 2011. С. 70-82.
- Трапи Н.А.* Теоретико-методологическая концепция А.С. Лаппо-Данилевского: опыт эволюционной реконструкции. Ростов н/Д.: Изд-во Ростовского ун-та, 2006. 159 с.
- Хвостов В.М.* Теория исторического процесса: Очерки по философии и методологии истории: Курс лекций. М.: КомКнига, 2006. 389 с.

Румянцева Марина Федоровна, доцент, доцент кафедры социальной истории факультета истории НИУ «Высшая школа экономики», mf-r@yandex.ru